

Равнину пылью покрывають
И съ дружнымъ шорошомъ бѣгушъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часпо игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ лепяще главы рабовъ,
И въ радости младенцы плащущъ.

А. Пушкинъ.

4.

Изъ Цыганъ.

Цыганы спустили шолпой
По Бессарабіи кочующъ.
Они сего дня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодраныхъ почующъ.
Какъ вольность, веселье ихъ почлагъ
И мирный союзъ подъ небесами.
Между колесами шелѣгъ,
Полу-завѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Гоновишь ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасущся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныхъ семей,
Гоновихъ съ упромъ въ путь недальний,
И пѣсни женъ и крикъ дѣтей
И звонъ походной цѣковальни.
Но вотъ на шабрѣ кочевой
Нисходитъ соиное мочаше,
И слышно въ пшеницѣ степной
Лишь дай собакъ, да коней рѣзанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяещъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряется.
Въ шатре одномъ спарикъ не спишъ;

Онъ передъ углами сидишъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальюое глядишъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она приѣдешъ; но вотъ ужъ ночь
И скоро мѣсяцъ ужъ покинешъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры иѣшъ какъ иѣшъ, и спынишъ
Убогій ужинъ старика.

Эпилог.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То сѣтыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брали
Ужасный гуль не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Станбулу Русскій указалъ,
Гдѣ сшарый нашъ орелъ двуглавой
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди сценей
Надъ рубежами древнихъ становъ.
Тельги мирныхъ цыгановъ,
Смиренной вольносши дѣней.

Но счастья иѣшъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами,
Живутъ мучительные сны,
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду спрасили роковыя,
И ошь судѣй защиши иѣшъ.

А. Пушкинъ.